

ПРЕДИСЛОВИЕ

книги сей, именуемой Скрижали Духовные

Всем, поспевающим написать имена свои в книге жизни на небесах, настоящая книга показывает превосходнейший путь. Шествуя сим путем, увидим, что она непогрешительно руководит последующих ее указаниям, сохраняет их неуязвленными от всякого претыкания, и представляет нам лествицу утвержденную, возводящую от земного во святая святых, на вершине которой утверждается Бог любви. Сию, думаю, лествицу видел и Иаков, зачинатель страстей, когда покоился на подвижническом ложе. Но взойдем, умоляю вас, с усердием и верою, на сей умственный и небошественный восход, начало которого — отречение от земного, а конец — Бог любви.

Преподобный отец премудро рассудил, устроивши для нас восхождение, равночисленное возрасту Господнему по плоти; ибо в образе тридцати лет Господнего совершеннолетия гадательно изобразил лествицу, состоящую из тридцати степеней

духовного совершенства, по которой, достигши полноты возраста Господня, мы явимся поистине праведными и непреклонными к падению. А кто не достигнет сей меры возраста, тот еще младенец и по точному свидетельству сердца окажется несовершенным. Мы признали за нужное прежде всего поместить в этой книге житие (преподобного) премудрого отца, чтобы читатели, взирая на его подвиги, удобнее поверили его учению.

**Краткое описание жития аввы Иоанна,
игумена святой горы Синайской,
прозванного схоластиком¹, поистине святого отца**

*Составленное монахом Раифским Даниилом,
мужем честным и добродетельным*

Не могу сказать с достоверной точностью, в каком достопамятном граде родился и воспитывался сей великий муж до исшествия своего на подвиг брани, а какой град ныне покоит и нетленной пищей питает сего дивного, это мне известно. Он пребывает ныне в том граде, о котором говорит велегласный Павел, взывая: наше житие на небесах есть (Филип. 3, 20); невещественным чувством насыщается он блага, которым невозможно насытиться, и наслаждается невидимой добротой, духовно утешается духовным², получив воздаяния, достойные подвигов, и почесть за труды, не трудно понесенные, — тамошнее наследие; и навсегда соединившись с теми, которых нога ста на правоте (Пс. 25, 12). Но как сей вещественный достиг невеществен-

¹ Схоластиками в древности назывались риторы, законоведы или вообще люди ученые.

² В слав. «умом единым радуясь о Уме мысленно созерцаемом».

ных сил и совокупился с ними, это я постараюсь изъяснить по возможности.

Будучи шестнадцати лет телесным возрастом, совершенством же разума тысячелетен, сей блаженный принес себя самого, как некую чистую и самопроизвольную жертву Великому Архиерею, и телом восшел на Синайскую, а душой на небесную гору; с тем, думаю, намерением, чтобы от видимого сего места иметь пользу и лучшее наставление к достижению невидимого. И так, отсеки бессчетную дерзость отшельничеством, сей обладательницей наших мысленных отроковиц¹, восприяв же благолепное смиренномудрие, он, при самом вступлении в подвиг, весьма благоразумно отогнал от себя обольстительное самоугодие и самоверие, ибо преклонил свою выю и вверил себя искуснейшему учителю, чтобы, при благонадежном его руководстве, непогрешительно переплывать бурное море страстей. Умертвив себя таким образом, он имел в себе душу как бы без разума и без воли, совершенно свободную и от естественного свойства; а еще удивительнее то, что, обладая внешней мудростью, он обучался небесной простоте. Дело православное! Ибо кичливость философии не совмещается со смирением. Потом по прошествии шестнадцати лет, предпослав к Небесному Царю своего учителя, как молитвенника и заступника, и сам он исходит на поприще безмолвия, нося сильные, на разорение твердынь, оружия — молитвы великого (своего отца); и, избрав место удобное к подвигам уединения, в пяти стадиях от храма Господня (ме-

¹ То есть страстей. Смотри слово 10-е, главу 3-ю.

сто это называется Фола), он провел там сорок лет в неослабных подвигах, всегда пылая горящею ревностью и огнем божественным. Но кто может выразить словами и восхвалить сказанием труды его, там понесенные? И как явно представить всякий труд его, который был тайным сеянием? Впрочем, хотя через некоторые главные добродетели известимся о духовном богатстве сего блаженного мужа.

Он употреблял все роды пищи, без предосуждения разрешаемые иноческому званию, но вкушал весьма мало, премудро сокрушая и через это, как я думаю, рог кичливости. Итак, малоедением угнетал он госпожу оную, то есть плоть, многого похотливо желающую, голодом вопия к ней: молчи, престань, тем же, что вкушал от всего понемногу, поработал он мучительство славолюбия; а пустынножитием и удалением от людей утолил он пламень сей (то есть телесной) печи, так что он совсем испепелился и угас совершенно. Милостыней и скудностью во всем потребном мужественный сей подвижник мужественно избежал идолослужения, то есть сребролюбия (Колос. 3, 5), от ежечасной смерти душевной, то есть от уныния и от расслабления (и) восстанавливал он душу, возбуждая ее памятью телесной смерти, как остном; а сплетение пристрастия и всяких чувственных помыслов разрешил невещественными узами святой печали. Мучительство гнева еще прежде было в нем умерщвлено мечем послушания; неисходным же уединением и всегдашним молчанием умертвил он пиявицу паутинного тщеславия. Что же скажу о той славной победе, которую сей добрый таинник одержал

над осьмою отроковицей?¹ Что скажу о крайнем очищении, которое сей Веселеил послушания начал, а Владыка небесного Иерусалима, пришедши, совершил Своим присутствием; ибо без сего не может быть побежден дьявол с сообразным ему полчищем. Где помещу, в настоящем нашем плетении венца, источник слез его (дарование не во многих обретающееся), которых тайное делателище и доныне остается, — это небольшая пещера, находящаяся у подошвы некоторой горы; она на столько отстояла от его келлии и от всякого человеческого жилища, сколько нужно было для того, чтобы заградить слух от тщеславия; но к небесам она была близка рыданиями и взываниями, подобными тем, которые обыкновенно испускают пронзаемые мечами и прободаемые разженным железом, или лишаемые очей. Сна принимал он столько, сколько необходимо было, чтобы ум не повредился от бдения; а прежде сна много молился и сочинял книги; это упражнение служило ему единственным средством против уныния. В прочем все течение жизни его была непрестанная молитва и пламенная любовь к Богу; ибо, день и ночь воображая Его во светлости чистоты, как в зеркале, он не хотел или, точнее сказать, не мог насытиться.

Некто из монашествующих, именем Моисей, поревновав житию Иоанна, убедительно просил его, чтобы он принял его к себе в ученики и наставлял на истинное любомудрие; подвигнув старцев на ходатайство, Моисей, через их просьбы, убедил

¹ То есть гордостью, которая в числе главных восьми страстей есть восьмая.

великого мужа принять себя. Некогда авва повелел сему Моисею переносить с одного места на другое землю, которой требовало удобрение гряд для зелий: достигши указанного места, Моисей без лени исполнил повеление; но как в полдень настал чрезвычайный зной (а тогда был последний летний месяц), то он уклонился под большой камень, лег и уснул. Господь же, Который ничем не хочет опечалить рабов Своих, по обычаю Своему предупреждает угрожавшее ему бедствие. Ибо великий старец, сидя в келлии и размышляя о себе и о Боге, преклонился в тончайший сон и видит священнолепного мужа, который возбуждал его и, посмеиваясь сну его, говорил: «Иоанн, как ты беспечно спишь, когда Моисей в опасности?» Вскочивши немедленно, Иоанн вооружился молитвой за ученика своего; и когда тот вечером возвратился, спрашивал его: не случилась ли с ним какая-нибудь беда или нечаянность? Ученик отвечал: огромный камень едва не раздавил меня, когда я спал под ним в полдень; но мне показалось, будто ты зовешь меня, и я вдруг выскочил из того места. Отец же, поистине смиренномудрый, ничего из видения не открыл ученику; но тайными воплями и воздыханиями любви восхвалял благого Бога.

Сей преподобный был и образцом добродетелей, и врачом, исцелявшим сокровенные язвы. Некто, по имени Исаакий, будучи весьма сильно угнетаем бесом плотской похоти и уже изнемогший духом, поспешил прибегнуть к сему великому и объявил ему свою брань словами, растворенными рыданием. Дивный муж, удивляясь вере его, сказал: ста-

нем, друг, оба на молитву. И между тем как молитва их кончилась и страждущий еще лежал, повергшись ниц лицом, Бог исполнил волю раба Своего (Пс. 144, 19), дабы оправдать слово Давидово: и змей, мучимый биениями истинной молитвы, убежал; а недужный, увидев, что избавился от недуга, с великим удивлением воссылал благодарение Прославившему и прославленному.

Другие, напротив, подстрекаемые завистью, называли его (преподобного Иоанна) излишне говорливым и пустословом. Но он вразумил их самым делом и показал всем, что вся может о укрепляющем всех Христе (Фил. 4, 12); ибо молчал в течение целого года, так что порицатели его превратились в просителей и говорили: заградили мы источник приснотекущей пользы, ко вреду общего всех спасения. Иоанн же, чуждый прекословия, послушался и снова начал держаться первого образа жизни.

Потом все, удивляясь преуспеянию его во всех добродетелях, как бы новоявленного Моисея, поневоле возвели его на игуменство братии и, возвысивши сей светильник на свещник начальства, добрые избиратели не погрешили; ибо Иоанн приблизился к таинственной горе, вшедши во мрак, куда не входят непосвященные; и возводимый по духовным степеням, принял богоначертанное законоположение и видение. Слову Божию отверз уста свои, привлек Духа, отрыгнул слово и из благого сокровища сердца своего изнес словеса благая. Он достиг конца видимого жития в наставлении новых Израильян, т. е. иноков, тем одним отличаясь от Моисея,

что вошел в горный Иерусалим, а Моисей, не знаю как, не достиг земного.

Дух святой говорил его устами; свидетелями этому служат многие из тех, которые спаслись и ныне спасаются через него. Превосходным свидетелем премудрости сего премудрого и подаваемого им спасения был новый оный Давид¹. Свидетелем того же был и добрый Иоанн, преподобный наш пастырь (Раифский игумен). Он и убедил сего нового боговидца усиленными своими просьбами, для пользы братий сойти помышлением с горы Синайской и показать нам свои богописанные скрижали, в которых наружно содержится руководство деятельное, а внутренно — созерцательное². Таким описанием покусился я в немногих словах заключить многое; ибо краткость слова имеет красоту и в искусстве витийства.

¹ Полагают, что новым Давидом назван здесь вышеупомянутый Исаакий.

² То есть в Лестнице внешние слова поучают деятельности, а внутренний духовный разум наставляет к видению.

**О том же авве Иоанне,
игумене Синайской горы, то есть Лествичнике**

*(Повествует один монах Синайский,
который был, как и Даниил Раифский,
современником преподобному Иоанну)*

Некогда авва Мартирий пришел с аввой Иоанном к Анастасию великому; и сей, взглянув на них, говорит авве Мартирию: «Скажи, авва Мартирий, откуда этот отрок и кто постриг его?» Тот отвечал: «Он раб твой, отче, и я постриг его». Анастасий говорит ему: «О, авва Мартирий, кто бы подумал, что ты постриг игумена Синайского?» И святой муж не погрешил: по прошествии сорока лет Иоанн сделан был нашим игуменом.

В другое время авва Мартирий, также взяв с собой Иоанна, пошел к великому Иоанну Савваиту, пребывавшему тогда в пустыне Гуддийской. Увидев их, старец встал, налил воды, умыл ноги авве Иоанну и облобызал его руку; авве же Мартирию ног не умывал, и потом, когда ученик его Стефан спросил, почему он так поступил, отвечал ему: «Поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок; но я принял игумена Синайского и умыл ноги игумену».

В день пострижения аввы Иоанна (а он постригся на двадцатом году своей жизни) авва Стратигий предсказал о нем, что он будет некогда великой звездой.

В тот самый день, когда поставили Иоанна нашим игуменом и когда сошлось к нам около шестисот посетителей и все они сидели, вкушая пищу, Иоанн видел мужа с короткими волосами, одетого по-иудейски в плащаницу, который, как некий распорядитель, ходил повсюду и раздавал приказания поварам, экономам, келарям и прочим служителям. Когда те люди разошлись и служители сели за трапезу, искали сего повсюду, ходившего и раздававшего приказания, но нигде не нашли. Тогда раб Божий, преподобный отец наш Иоанн, говорит нам: «Оставьте его: господин Моисей ничего не сделал странного, послужив в своем месте».

Некогда в Палестинских странах было бездождие; авва Иоанн, по прошению тамошних жителей, помолился, и сошел обильный дождь. И нет ничего тут невероятного; ибо волю боящихся Его сотворит Господь и молитву их услышит (Пс. 144, 19).

Надобно знать, что Иоанн Лествичник имел родного брата, чудного авву Георгия, которого он еще при жизни своей поставил в Синае игуменом, сам любя безмолвие, которое и сначала уневестил себе сей премудрый. Когда же Моисей этот, преподобный игумен наш Иоанн, отходил к Господу, тогда авва Георгий, брат его, стоял перед ним и говорил со слезами: «Итак, ты оставляешь меня и отходишь; я молился, чтобы ты проводил меня, ибо я не возмогу без тебя, господине мой, руководить сию дружину: но теперь мне должно проводить тебя». Авва Иоанн сказал ему на это: «Не скорби и не заботься; если буду иметь дерзновение ко Господу, то не оставлю тебя провести здесь и один год после меня». Что и сбылось; ибо в десятый месяц потом отошел и сей ко Господу.

**Послание святого Иоанна, игумена Раифского,
к досточудному Иоанну,
игумену Синайской горы**

Вышеестественному и равноангельному отцу отцов и превосходнейшему учителю грешный Раифский игумен желает радоваться о Господе.

Зная прежде всего беспрекословное твое о Господе послушание, украшенное, впрочем, и всеми добродетелями, и в особенности там, где надлежит умножить данный тебе от Бога талант, мы, убогие, употребляем поистине убогое и недостаточное слово, припоминая сказанное в Писании: вопроси отца твоего, и возвестит тебе: старцы твоя, и рекут тебе (Втор. 32, 7). И потому, припадая к тебе, как к общему всех отцу и старшему в подвижничестве, сильнейшему в быстроумии и превосходнейшему учителю, сим писанием нашим молим тебя, о глава добродетелей, преподай нам невежественным то, что ты видел в боговидении, как древний Моисей, и на той же горе; и изложи это в книге, как на богописанных скрижалях, в назидание новых израильтян, т. е. людей, новоисшедших из мысленного Египта

и из моря житейского. И как ты в оном море, вместо жезла Богоглаголивым языком твоим, при содействии Божиим, чудодействовал, то и ныне, не презирая нашего прошения, благоволи о Господе, для спасения нашего, благорассудительно и нелепно начертать законы, свойственные и приличные монашескому житию; будучи поистине великим наставником всех начавших такое ангельское жительство. Не подумай, будто слова наши происходят от лености или ласкательства: тебе, о священная глава, известно, что мы чужды таких действий; но в чем все уверены, что вне всякого сомнения, видимо всеми и о чем все свидетельствуют, то и мы повторяем. И так надеемся о Господе скоро получить и облобызать ожидаемые нами драгоценные, на скрижалях оных, начертания, которые могут служить непогрешительным наставлением для истинных последователей Христовых и, как лестница, утвержденная даже до небесных врат (Быт. 28, 12), возводить произволяющих, чтобы они безвредно, безбедственно и невозбранно проходили полчища духов злобы, миродержителей тьмы и князей воздушных. Ибо, если Иаков, пастырь бессловесных овец, видел на лестнице такое страшное видение, то тем более предводитель словесных агнцев не только видением, но и делом и истиной¹ может показать всем непогрешительный восход к Богу. Здравствуй о Господе, честнейший отче!

¹ То есть не только представлением образной лестницы оной в видении, но и самых добродетелей, степенями ее изображаемых, опытным и истинным описанием.